В. К. Соколова

К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА
(На примере восточнославянского материала)

Обрядовый фольклор очень сложен и разнороден по своему составу. В него входят произведения, различающиеся по времени создания и жанровым признакам,— от простейших языковых формул, отдельных слов и восклицаний, не являющихся еще собственно фольклором, до таких сложных высокохудожественных поэтических форм, какими являются многие обрядовые песни и отдельные заговоры. Чтобы разобраться во всем этом многообразии, обрядовый фольклор должен исследоваться в разных аспектах, на разных уровнях с применением в зависимости от целей исследования как этнографических, так и филологических методов[1].

Основной, общий для всех произведений обрядового фольклора признак, по которому они выделяются в особый раздел (в отличие от фольклора необрядового),— неразрывная связь их с магическими действиями, в совокупности с которыми они составляют единый обряд, выполняют одну и ту же функцию. Время и характер исполнения обрядового фольклора всегда строго регламентированы. Обряды были приурочены к определенным периодам, отмечавшим переход природы и человека из одного состояния в другое (как об этом говорил А. ван Геннеп), наиболее важным датам сельскохозяйственного календаря, к ответственным моментам личной и семейной жизни (рождение, свадьба, смерть), а также к стихийным бедствиям, болезням и т. п.; в неурочное время или без соответствующего повода обряды и входившие в них вербальные тексты исполняться не могли. Благодаря этому обрядовый фольклор гораздо теснее, нежели разные жанры необрядового фольклора, был связан с бытом народа, являясь в прошлом неотъемлемым и весьма существенным его элементом. Обряд в целом выполнял, таким образом, важную социальную функцию: он во многом регламентировал общественную и семейную жизнь, санкционировал переход человека из одной группы в другую, создавал определенный настрой.

Органическая связь слова и действия в ритуале требует, чтобы обрядовый фольклор записывался и изучался в контексте с теми действиями, которые он сопровождал, чтобы весь обряд рассматривался как единое целое. Не зная места и значения в обряде того или другого вербального текста, не всегда можно правильно понять его суть, семантику отдельных его образов; а слова в свою очередь нередко объясняют назначение обряда, его смысл[2]. Требование изучать обряд как единое целое явля-

---

[1] Представление о возможных аспектах изучения обрядового фольклора дают статьи в сборниках: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974; Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М.: Наука, 1978.

[2] См. *Левинтон Г. А.* К вопросу о функциях словесных компонентов обряда.— В кн.: Фольклор и этнография, с. 162—170.

ется аксиомой. При собирании обрядового фольклора, которому сейчас уделяется большое внимание, фольклорные экспедиции обязательно записывают и обряд в целом, отмечая место и роль в нем фольклорного текста. Но при изучении обрядовой поэзии связь ее с действом еще не всегда учитывается в должной степени.

Поскольку слово и действие в обряде тесно связаны, взаимно дополняют и объясняют друг друга, перед исследователем встает задача выяснить особенности этой связи, установить, как типы вербальных текстов соотносятся с типами обрядовых действий и как это соотношение менялось в ходе развития обрядов. Это имеет значение и для разработки типологии обрядового фольклора, выработки критериев для выделения типов, о чем будет сказано дальше.

Обряды призваны были воздействовать на окружающий мир в желательном для человека направлении, доминантная функция составлявших их действий и слов была магическая. Ослабление, а затем и утрата этой функции неизбежно вызывали разрушение обряда, а фольклорные произведения или переходили в разряд необрядовых и приобретали новые функции, или же забывались, причем могли забываться, исчезать из живого бытования даже целые жанры, как это произошло, например, с заговорами, которые не смогли существовать с утратой веры в их силу. Магическая функция в обрядовом фольклоре — основная, без нее он не может существовать в своем первоначальном качестве. Это всегда надо иметь в виду при определении, является ли рассматриваемое произведение фольклора обрядовым или нет.

Утрата обрядовым фольклором магической функции — показатель существенных изменений в мировоззрении народных масс, обусловленных всем ходом исторического процесса. Поэтому важно установить, когда и как, при каких обстоятельствах совершался переход обрядового фольклора в необрядовый и какие изменения в нем при этом происходили. Здесь намечается важный аспект изучения обрядового фольклора — мировоззренческий.

Как источник по изучению истории народного мировоззрения обрядовый фольклор очень важен. Являясь наиболее древней формой словесного творчества, он с самого начала и на протяжении всего своего развития был связан с особо важными сторонами жизни, с хозяйственной деятельностью, выражал отношение к окружающему миру и заветные стремления трудовых масс, фиксировал коренные изменения, происходившие в их сознании в разные эпохи. Благодаря своей специфике (вера в магическую силу слова требовала точного запоминания и воспроизведения вербальных текстов) обрядовый фольклор оказался наиболее устойчивой, консервативной частью традиционного фольклора. Несмотря на все последующие, часто весьма существенные, коренные изменения и переосмысления, он порой сохранил почти до наших дней отдельные реликты, дающие возможность заглянуть в глубь веков и раскрыть такие древние пласты народных воззрений, о которых другие источники не дают представления.

На эту сторону обрядового фольклора и было обращено преимущественное внимание, как только в XVIII в. он стал объектом научного изучения,— в нем видели пережитки древних языческих, «поганских», как тогда выражались, верований и мифов. В XIX в. исследования обрядового фольклора были расширены и углублены. Особенно много в этом направлении сделали представители мифологической школы, систематизировавшие и интерпретировавшие со своих позиций огромный фактический материал. Исследования в этом плане ведутся и сейчас, но на новой основе, причем интерес к обрядам и обрядовому фольклору (изучение их ведется с целью реконструкции архаических религиозных пред-

ставлений и мифов) в последние годы заметно возрос[3]. Работы в этом направлении, несомненно, будут продолжаться, так как нерешенных проблем, «темных» мест здесь еще достаточно.

Изучение обрядов и обрядового фольклора в мировоззренческом аспекте представляет не только историко-познавательный, но и актуальный практический интерес. Некоторые архаические обряды и теперь еще иногда соблюдаются отдельными представителями старшего поколения. Правда, исполняются они чаще в силу традиции, на всякий случай, потому что родители и деды так делали, но это свидетельствует о живучести пережитков, которые встречаются порой и у отдельных представителей молодежи. Чтобы успешнее бороться с ними, надо знать, какие обряды сохранились, где, кем и при каких обстоятельствах исполняются, знать их корни и смысл. Однако этой, так сказать, негативной стороной практическое значение исследования обрядов не ограничивается.

Традиционная народная обрядность должна обязательно учитываться при разработке новых гражданских и семейных ритуалов, чему сейчас уделяется большое внимание. А чтобы правильно их использовать, отобрать то, что было в них ценного, необходимо знать, какую мировоззренческую нагрузку несли отдельные их элементы, атрибуты и символы, как они воспринимались и переосмыслялись, трансформировались. Массовые праздничные обрядовые действа уже в XIX в. все больше утрачивали свой первоначальный аграрно-магический смысл и превращались в развлечение, игру, театрализованное представление. При этом они пополнялись новыми элементами, уже необрядового происхождения. Задача состоит в том, чтобы отобрать из обрядовых действ все, что было в них художественно ценного: разнообразные песни, игры, остроумные шутки и прибаутки, красочное оформление. Значительная работа в этом направлении проводится на Украине, в Белоруссии, в Прибалтийских республиках и др. Введение в современные ритуалы традиционных, привычных для народа элементов будет способствовать их более быстрому и широкому внедрению в быт, а также придаст каждому празднику особый колорит, издавна присущий народным празднествам, которого так часто недостает нашим современным праздникам, в своей обрядовой части похожим один на другой.

Обрядность каждого народа, как календарная, так и семейная, очень своеобразна и справедливо признается одним из наиболее ярких этнических признаков, служит своего рода национальным знаком. Специфические национальные обрядовые комплексы (и их областные варианты) явились результатом длительного исторического развития в особых естественногеографических и исторических условиях. В то же время в обрядности разных, в том числе и неродственных народов, обнаруживается сходство, порой весьма значительное. Оно проявляется прежде всего в самой сути обрядов, их функциональной направленности, в характере магических приемов, которые должны были обеспечить жизненное благополучие. Конкретное воплощение обрядов, их формы у каждого народа свои, особые; ярче всего национальное своеобразие проявляется в обрядовой поэзии, хотя и в ней можно обнаружить общие закономерности. Сходство в обрядности разных народов прежде всего типологическое, объясняемое сходством социально-экономических условий и образа мышления на определенных стадиях развития общества. Но в обрядовой поэзии явственно, порой даже более отчетливо, чем в других элементах культуры, прослеживаются генетическое родство народов и их

---

[3] Из наиболее значительных работ можно назвать: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974, и другие их работы; *Толстые Н. И.* и *С. М.* Заметки по славянскому язычеству.— В кн.: Славянский и балканский фольклор; *их же.* Вызывание дождя в Полесье.— Там же (другие части этого исследования находятся в печати), и др.

более поздние историко-культурные контакты. Показать всю многогранность обрядности каждого народа, выявить в ней специфические и общие элементы, ее связи с обрядностью других, прежде всего родственных и соседних, народов — значит выполнить одну из основных и, пожалуй, самую сложную задачу, стоящую перед исследователем обрядового фольклора.

Наряду с национальными комплексами обрядности сложились и более широкие, региональные межэтнические обрядовые общности, охватывающие соседние народы, жившие в сходных природных и социальных условиях и длительное время взаимодействовавшие между собою. Давно, например, отмечено своеобразие культуры, в том числе и обрядовой, русских европейского Севера. Присущий русской календарной обрядности аграрный характер здесь выражен значительно слабее, многие аграрные обряды не встречались, зато большую роль приобрели обряды животноводческие и промысловые, которые особенно типичны для Севера, где земледельческая обрядность была мало развита. В то же время современные исследования все больше раскрывают значительную близость в формах обрядов и обрядовой поэзии русских и финно-угорских народов северо-востока Европы. Как установлено исследованиями К. В. Чистова и др., для них характерны специфические формы похоронных причитаний. Только у карел, мордвы, коми, ижорцев и эстонцев-сету есть свадебные причитания, характерные для русского свадебного обряда (у других славянских народов свадебных причитаний нет) [4]. Например, значительное сходство в области обрядовой поэзии обнаруживается у народов Прибалтийского региона. Основные особенности, определяющие обряды и обрядовый фольклор таких ареалов, и самые их границы выявлены еще недостаточно. Для их выявления обязательно должно быть применено картографирование.

Большое значение картографирования обрядов, как и других элементов духовной культуры, общепризнано. Оно выдвигается и в качестве основной задачи изучения обрядности [5]. Но сделано в этой области еще очень немного, в сущности почти не разработана и методика такого картографирования [6]. Можно назвать лишь карты в нескольких работах, показывающие распространение отдельных элементов обрядов и входящих в них поэтических произведений [7]. Исследования по картографированию следует всемерно расширять и углублять, учитывая при этом зарубежный опыт и имеющиеся у нас некоторые работы по картографированию необрядового фольклора [8].

Картографирование может помочь выяснению ряда существенных моментов, связанных с обрядовым фольклором, оно наглядно покажет распространение разных его типов, их общие и локальные особенности и межэтнические связи. Тем самым открываются широкие возможности

---

[4] *Чистов К. В.* К проблеме свадебных причитаний.— В кн.: Етнографски и фолклористични изследования. В чест на Христо Вакарелски по случай 80-годишнината от рождението му. София, 1979, с. 276—281; *его же.* Причитания у славянских и финно-угорских народов.— В кн.: Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии 22—24 мая 1979 г. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979, с. 13—20.

[5] См., например, *Сабурова Л. М.* Об изучении народных обрядов.— В кн.: Фольклор и этнография, с. 7, 8.

[6] См. *Чистов К. В.* Проблемы картографирования обрядов и обрядовой поэзии.— В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и картографии. Л.: Наука, 1974,

[7] Например, карты распространения типов русских колядок — *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного календаря XVI—XIX веков. М.: Наука, 1956; карты распространения основных типов масленичных обрядов — *Носова Г. А.* Картографирование русской масленичной обрядности (на материалах XIX — начала XX в.).— Сов. этнография, 1969, № 5; карты в статьях А. Ф. Журавлева и А. В. Гуры в сб. «Славянский и балканский фольклор» и др. Интересный опыт картографирования обрядности проводят фольклористы и лингвисты, работающие под руководством Н. И. Толстого.

[8] Например, *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М.: Наука, 1975.

использования обрядового фольклора в исследованиях по этногенезу и этнической истории.

В последние годы фольклор все чаще привлекается в историко-этнографических исследованиях. Проблема использования его как источника при изучении этнической истории и современных этнических процессов ставится как в теоретическом плане, так и на примере анализа отдельных произведений или их групп[9]. Но к обрядовому фольклору при этом обращаются еще мало. Так, в содержательном и важном в методологическом отношении сборнике «Этническая история и фольклор», как отмечают редакторы Р. С. Липец и С. Я. Серов, «использованы главным образом эпические жанры фольклора как в прозаической, так и в песенной форме, так как основная функция произведений этих жанров заключается в освещении исторического прошлого народа»[10].

Слов нет, исторические жанры фольклора много дают для познания прошлого, помогают в ряде случаев уточнить отдельные факты, раскрывают народные взгляды на описываемые события. При этом «история» в этих жанрах нередко лежит на виду, что и привлекает к ним в первую очередь исследователей. С обрядовой поэзией в этом отношении сложнее, но, как уже отмечалось, при изучении этногенеза и ранних стадий этнического развития, а также последующих этнических контактов она может явиться более ценным источником. Почти не затрагивается этнический аспект и в статьях сборника «Фольклор и этнография», в которых обрядовый фольклор рассматривается с разных сторон, хотя во вступительной статье Л. М. Сабурова отмечает, что «всестороннее изучение обрядов, анализ их зависимости от времени и места поможет разрешению многих вопросов, касающихся происхождения обрядов, форм их бытования, их обусловленности этническим развитием и этнической спецификой, укажет на определенные этногенетические связи»[11]. Все это — дело дальнейших исследований.

Особый интерес представляет обрядовый фольклор для истории фольклора в целом и даже шире — для истории искусства слова вообще. Восходя генетически к истокам словесного творчества, он может в известной степени послужить материалом для реконструкции наиболее ранних форм устного народного творчества. Еще в XVIII в. один из основоположников русской филологической науки В. К. Тредиаковский считал, что начало стихотворства надо искать в обрядовой поэзии: «Вероятно по всему, что и наши поганские жрецы были первыми у нас стихотворцами»[12].

Обрядовый фольклор во многом послужил базой, на основе которой складывались и развивались национальные устные, а затем и письменные поэтические стили. Изучение его не только дает возможность лучше понять семантику многих поэтических образов и символов, но в некоторых случаях помогает раскрыть генезис ряда поэтических приемов. В обряде слово, как и действие, имело сугубо практическое значение. «Слово было дело», и отдельные приемы, которые впоследствии стали восприниматься как элементы поэтики, предназначены были для оказания воздействия на окружающий мир. Тип вербального обрядового текста обычно соответствовал типу производившихся при этом магических действий. Например, многие обрядовые действия были основаны на магии по сходству, пояснявшие же и закреплявшие их тексты строились соответственно в форме сравнения, второй член которого был условным, желаемым: как — так бы, сколько — столько бы. Так, в Тюменском уезде, чтобы скотина на пастбище не разбредалась и не потерялась, ее перед первым выгоном кормили хлебом, положенным на заслонку от

---

[9] Например, *Елатов В. И.* Песни восточнославянской общности. Минск, 1977.
[10] Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977, с. 7.
[11] Фольклор и этнография, 1974, с. 5.
[12] *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. Л., 1936, с. 412.

печи со словами: «как заслонка от пода не отстанет, так бы и христова скотинушка не отставала бы от моего двора»[13]. Подобные заговорные формулы часто встречаются в обрядовом фольклоре разных народов. И может быть, именно в них надо искать истоки поэтических сравнений. На основе сравнения-уподобления развился, как то убедительно показал А. Н. Веселовский, распространенный прием фольклорной поэтики — психологический параллелизм.

Практическое значение в обрядовом фольклоре имели и эпитеты. Они употреблялись, когда нужно было выделить или точно определить те явления и предметы, на которые хотели воздействовать или которые хотели получить. Так, призывая богатый урожай, требовали, чтобы рожь выросла не какая-нибудь, а высокая, густая, ужинистая и т. п. Желая уберечь скотину от хищных зверей и других напастей, в заговоре перечисляли все виды скота, находившиеся в стаде, все их масти и пр.— такого рода перечисления особенно характерны для более сложных поздних заговоров.

Желание получить как можно больше жизненных благ потребовало гиперболы. Урожай должен быть необыкновенным: сколько звезд на небе, столько копен в поле, «...с колосу осьмина, из зерна ему коврига, из полузерна пирог»[14]. Гиперболизация обычно сочеталась с идеализацией; все, о чем говорилось, в том числе и реальные люди, которым желали всяческого добра, оказывалось самым лучшим, самым красивым, богатым и пр.— изображаемое должно было претвориться в действительное.

Большинство поэтических особенностей обрядового фольклора не является его исключительной принадлежностью, они встречаются и в произведениях необрядового фольклора. Но именно обрядовый фольклор может помочь выяснить их генезис и первоначальную семантику. Важно также установить, есть ли какое-либо своеобразие в употреблении одних и тех же или сходных приемов в обрядовом фольклоре и необрядовом. Отличается ли, например, гиперболизация и идеализация в обрядовом фольклоре от идеализации и гиперболизации, широко применяемой в героическом эпосе и сказках, в чем суть этих различий? Установить это можно только путем сравнительного анализа обрядового и необрядового фольклора, что дает возможность выяснить, в чем состоит художественная специфика обрядового фольклора, т. е. ответить на один из кардинальных вопросов, встающих перед его исследователями.

Само собой разумеется, что формы и поэтические особенности обрядового фольклора, записанного в XIX—XX вв., далеки от первоначальных, они — результат длительного развития и взаимодействия обрядового и необрядового фольклора, которые развивались в одном русле, подчиняясь общим закономерностям. Сравнительное изучение обрядового и необрядового фольклора поможет лучше понять эти закономерности. Следует учитывать также отдельные случаи воздействия на обрядовый фольклор письменной литературы.

Привлекать при анализе обрядового фольклора необрядовый заставляет и то, что в произведениях необрядового фольклора, особенно в крупных эпических жанрах — героическом эпосе, сказках, встречаются описания обрядов и отдельных магических действий с сопровождавшими их словами — заклинаниями, причитаниями, песнями и пр., приводимыми в отрывках, а иногда и полностью. Так, в былине о Соловье Будимировиче широко представлена свадебная символика, в ряде былин (а также в сказках) встречаются заклинания оружия — меча, стрел

---

[13] *Городцов П. М.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда.— Ежегодник Тобольского музея, 1915, вып. 26, с. 39.

[14] *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. I, вып. 1—2, № 1032. СПб., 1898.

(«ты лети, лети, калена стрела...») и т. д., а в некоторых вариантах былины о Добрыне и Маринке полностью описан колдовской обряд с заговором: чтобы приворожить к себе Добрыню, Маринка вынимала его следы и бросала их в печку с приговором: «как эта печка топитця, так бы у Добрыни серце по мне кипело»[15]. Это типичная заклинательная формула, построенная по принципу уподобления. Особенно много произведений обрядового фольклора содержится в крупных эпопеях, в частности, у восточных народов[16].

Подобные включения иногда сохраняют обрядовые произведения в более древнем, уже забытом виде, порой они могут послужить хронологическим ориентиром. Так, Р. С. Липец, детально изучив описания похоронных обрядов и похоронные причеты, встречающиеся в эпосах тюрко-монгольских народов, пришла к выводу, что в эпосе отражен древний обряд; более поздние элементы, явившиеся результатом развития обряда и разных этнических контактов, в эпос не вошли. Это может послужить также дополнительным аргументом в пользу положения, что эпос в основе сложился в период военной демократии; вместе с этим проясняются и некоторые моменты этнической истории народов, у которых рассматриваемый эпос бытовал.

Характерные для каждой эпохи особенности литературно-художественного стиля в известной степени проявлялись и в обрядовом фольклоре. Поэтому определить период появления отдельных его видов в некоторых случаях помогает сопоставление образности и стиля с идейно и стилистически близкими произведениями необрядового фольклора и письменной литературы. Так, М. М. Плисецкий, изучив образность и стилистику — общие места, традиционные формулы, эпитеты, лексику и др.— группы восточнославянских героических колядок (они наиболее характерны для украинцев), установил их большую идейно-стилистическую близость с былинами и воинскими повестями периода Киевской Руси. Отсюда он делает вывод, что колядки этого типа сложились еще в Киевской Руси, когда создавались былины и развивалось летописание.

Одним из основных итогов исследования обрядового фольклора должны стать определение его жанрового состава и создание его типологии. Детальная ее разработка — дело дальнейших исследований. Здесь кратко выскажу лишь некоторые соображения относительно типологии восточнославянского обрядового фольклора[17].

Можно со значительной долей уверенности предполагать, что первичным видом обрядовых текстов были отдельные восклицания императивного характера и краткие заклинательные формулы. В них связь слова и действия выступает особенно явственно, слово и действие адекватны. Со временем словесный текст усложнялся, появились разные типы заклинаний, соответствующих разного типа обрядовым действам. Среди них можно выделить: 1) формулы императивного характера, обращенные непосредственно к объекту, на который пытались воздействовать, и формулы-просьбы, мольбы, обращенные к какому-то посреднику; 2) заклинания, входившие в обряд с жертвоприношением; это двучленные формулы: вот тебе..., а ты дай (сделай) то-то; 3) формулы-сравнения, сопровождавшие действия, основанные на магии по сходству, также чаще двучленные (примеры их приводились выше).

На основе заклинательных формул, главным образом третьего типа, развились заговоры, в своей классической форме более поздние и более

[15]. Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1938, с. 152.

[16] Об обрядовом фольклоре в составе необрядового см. Русское народное поэтическое творчество. Т. II, ч. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 459—466.

[17] Подробнее об этом см.: *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1979; *ее же.* К типологии обрядового фольклора.— В кн.: Фолклор, език и народна свъдба. София, 1979, с. 59—66.

сложные поэтические произведения с определенной, строго выдерживавшейся композицией и специфической образностью и стилистикой. Увеличение и усложнение в заговорах вербальной части приводило к тому, что на нее стал переноситься центр тяжести, действие же сокращалось и даже совсем отпадало (хотя во многих текстах оно описывается).

Из первоначальных заклинаний развились и характерные для обрядовой поэзии песни-благопожелания, имевшие вначале также магическую функцию. Выделяется группа этих песен, которые и на позднем этапе сохраняли специфику заклинаний, например колядка «А дай бог тому, кто в этом дому, ему рожь густа, рожь ужиниста» и т. д.; заклинанием является и концовка подблюдных песен «кому вынется, тому сбудется» и др. Такой тип песен-заклинаний имеется в календарном обрядовом фольклоре многих народов. Л. Н. Виноградова, проанализировав некоторые заклинательные формулы в календарных песнях разных славянских народов, показала, что по типу они полностью совпадают с заклинаниями, сопровождавшими некоторые магические обряды, и генетически восходят к ним [18]. Это же отметила Я. Дарбиниеце среди латышских новогодних и купальских песен, например:

Подуй, подуй, сиверко
В рождественский вечерок,
В амбар надуй ячмень, рожь,
На конюшню гнедых [19].

Можно считать, что для обрядового фольклора специфичны именно заклинательные жанры, в необрядовом же фольклоре подобных жанров нет [20].

Но в большей части песен-благопожеланий, календарных и свадебных, заклинание выражено не так прямолинейно, а посредством художественного изображения желаемого как действительного [21]. Эти песни явились результатом длительного развития, поэтические образы и средства, используемые в них, очень богаты и разнообразны, они переходят и в необрядовую поэзию. Эстетическая функция в песнях-благопожеланиях выражена уже отчетливо, тогда как магическая затушевана, а со временем и совсем отпадает. С определенными обрядовыми действиями такие песни были связаны слабо, они могли исполняться и без действия. Таким образом, можно наблюдать общую закономерность в развитии обрядовой поэзии — с усложнением поэтических форм, с появлением разных жанров связь ее с действием все больше ослабевает.

Для сложных торжественных ритуалов характерен тип песен, приуроченных к узловым моментам действия и как бы комментировавших их. Они организовывали обряд, говорили, что в данный момент происходит, указывали, что должны делать участники обряда. Этот тип обрядовых песен достаточно поздний, он создавался в процессе сложения обрядовых комплексов и стоит на периферии обрядового фольклора. Магическая функция для подобных песен не определяющая (она могла отсутствовать с самого начала), их основное назначение — организовывать обряд и украшать его; по своим идейно-художественным особенностям они близки к необрядовой лирике и постоянно взаимодействовали с нею. С разрушением обряда они могли отрываться от него и исполняться

---

[18] См. *Виноградова Л. Н.* Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки.— В кн.: Славянский и балканский фольклор, с. 7—26.

[19] *Дарбиниеце Я.* Жанровая специфика латышских народных календарных обрядовых песен в свете сравнительного анализа.— В кн.: Фольклор и этнография, с. 93.

[20] О том, что обрядовый фольклор — заклинание, говорил А. И. Никифоров. Он отмечал, что, хотя обрядовый фольклор представляет собой не один жанр, а систему жанров, сущность его едина — пожелание, заклинание (см. об этом *Виноградова Л. Н.* Указ. раб., с. 7).

[21] Так, А. А. Потебня считал, что колядка — величальная песня, «целью которой является создание той идеальной обстановки, о которой поется в песне». (*Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сходных народных песен. Т. 2. Колядки и щедровки. Варшава, 1887, с. 58).

как необрядовые. В то же время на поздних этапах развития в обряды все больше и больше включались разнообразные лирические песни, близкие к ним по смыслу и тематике. Исполнителями такие песни могли квалифицироваться как обрядовые — «троицкие», «купальские» и т. п., под этими рубриками они нередко и публиковались в классических сборниках народных песен. Выделить среди подобных песен обрядовые по происхождению не всегда легко. Здесь особенно необходимо сотрудничество фольклористов-словесников и музыковедов, так как мелодический строй и ритмика песен часто лучше сохраняют древнюю обрядовую основу, нежели постоянно варьирующиеся тексты. Мелодика раскрывает нередко и этнические связи — генетические, контактные[22].

Особый тип составляют пока еще недостаточно изученные хороводные и игровые песни. Основа многих этих песен обрядовая, аграрно-магическая, и показательно, что, когда они стали уже развлечением, их по традиции исполняли в то же время, к которому они были изначально приурочены. Древнее происхождение хороводных песен подтверждается и их широким распространением. Например, известную весеннюю песню «А мы просо сеяли» знают все славянские народы. Хороводы и игры — наиболее синкретические виды обрядового фольклора, их историческое развитие и типология могут быть глубоко изучены только совместными усилиями этнографов и фольклористов-словесников, музыковедов и хореографов.

Здесь высказаны только некоторые общие соображения о типологии обрядового фольклора, их необходимо уточнить и развить на основе конкретного материала. Только путем сравнительного сопоставления типологии обрядового фольклора разных народов можно будет установить, какие типы являются общими для большинства народов, а какие — достоянием отдельных народов или групп их. Можно предположить, что многие типы обрядового фольклора у разных этносов окажутся сходными, так как они были обусловлены общими закономерностями развития общества и человеческого сознания. Но подтвердить это должен фактический материал.

Возросший в последнее время интерес к обрядности сказался и на расширении собирательской работы. Много ценных записей сделали студенческие фольклорные экспедиции: кафедры фольклора филологического факультета МГУ[23], кафедры русской литературы Горьковского университета[24], Вологодского и Омского пединститутов[25] и др. Разнообразный материал собрали экспедиции Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Почти все дореволюционные этнографы отмечали, что белорусы дольше, чем русские и украинцы, сохраняли обряды в их архаическом виде, современные же записи показывают, что обрядовые песни и сейчас еще бытуют в Белоруссии довольно широко, но уже в новом качестве, как ценное художественное наследие[26].

---

[22] Из работ фольклористов-музыковедов, рассматривающих мелодику обрядовых песен в этом плане, прежде всего см. *Земцовский И. И.* Мелодика календарных песен. Л.: Музыка, 1975 (в книге приведена большая библиография).

[23] Часть материалов опубликована в кн.: Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.)/Под ред. Савушкиной Н. И. М.: Изд-во МГУ, 1980.

[24] См. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского ун-та. Вып. II, ч. I и II. Обряды и обрядовая поэзия. Горький, 1977.

[25] О материалах по обрядовому фольклору, собранных в Омской области, см. статьи Л. В. Новоселовой в сборниках «Фольклор и литература Сибири». Вып. I, Омск, 1974; вып. 2, Омск, 1975.

[26] Материалы эти широко используются в соответствующих томах свода «Беларуская народная творчасць»: Зимовыя песні (колядкі і шчадровкі. Мінск, 1975; Жніўные песні. Мінск, 1974) и др. Широко используются архивные, в том числе и современные записи в томах, посвященных обрядовому фольклору, в украинском своде «Українська народна творчість».

Новые записи не только показывают состояние обрядов и обрядовой поэзии, но и дают возможность уточнить границы распространения отдельных видов и типов обрядов. Так, например, экспедиции Московского университета обнаружили, что в Пинежском районе бытует дожиночный обряд — завивание «бороды» — с соответствующими песнями, раньше здесь жнивные песни не фиксировались. Эти же экспедиции показали, что на русском Севере широко бытовали «проводы» масленицы с зажиганием костров (раньше высказывалось мнение, что в северном масленичном обряде этот центральный компонент отсутствовал).

Но суть не только в том, что новые материалы расширяют и уточняют представления об обрядовой поэзии. Обрядовый фольклор все еще остается составной частью современной устно-поэтической культуры, и надо знать, какое место он занимает в ней, каков его удельный вес в фольклорном репертуаре разных мест и поколений; где, когда, кем и при каких обстоятельствах он исполняется и какие функции сейчас выполняет.

Как можно видеть, аспекты изучения обрядового фольклора разнообразны, он интересен с разных точек зрения и не только для познания далекого прошлого, но и для разрешения ряда современных проблем.

TO THE STUDY OF RITUAL FOLKLORE (ON EAST SLAV MATERIAL)

Ritual folklore is a complex phenomenon that has evolved in the course of the millennia. Its study is of value both in the historical plane and in solving certain present-day problems; it should consequently be conducted in different aspects. Some of these, though not as yet sufficiently developed, are outlined in the paper.

One of the main problems is that of studying ritual folklore history in correlation with the history of the people's world outlook and with the development of verbal arts in general, the reconstruction of their early forms, the elucidation of the place and role of verbal texts in rituals of different periods, the elaboration of a typology of ritual folklore.

One of the results to be achieved by the study is the ascertainment of the specificity of ethnic (and regional) complexes of ritual folklore. Inter-ethnic ritual complexes should also be elicited; an important role in this is played by mapping.

Ritual folklore still remains a component part of oral poetic culture; consequently it is necessary to establish the place it occupies in the folklore repertory of different localities and different generations, at what times and under what circumstances it is executed and what functions it bears at present.